

29 мая 1982 года

Париж, улица Барбе-де-Жуи, 11

Она свободна и безмятежна.

Пульс у нее сделался реже, сердце перестало биться. Ее сердце, которое умело страстно любить и которое порой так больно ранили, только что остановилось. Его последний удар — как стук, который в театре оповещает зрителей о начале заключительного акта пьесы.

Теперь она одна на сцене.

В тишине парижской весенней ночи Роми отвесила свой прощальный поклон.

Она упала бесшумно, как осенний лист, который с легким шелестом ложится на парижский асфальт, — в момент, когда писала, сидя за

маленьким секретером у себя в спальне, — и опустилась на стоящий рядом диван.

Ее спутник жизни Лоран Петен, решив, что она спит, осторожно перенес ее на кровать, словно принц из сказки Перро.

Затем прилег сам и заснул. Он проспит до утра рядом с ее телом. Эта комната, которая до сих пор была приютом их любви, превратилась в обитель смерти.

И началась долгая ночь безмолвия.

Все в этой комнате застыло в неподвижности. Здесь много ее вещей: на креслах небрежно разбросаны несколько ярких косынок и длинных туник в «богемном» стиле, из которых состоял ее домашний гардероб. Именно в таких нарядах, за просто, не прихорашиваясь, Роми принимала гостей. Многие из них не могли скрыть удивления, когда она открывала им дверь, а кое-кто просто не узнавал ее — слишком уж непохожа была эта женщина на кинозвезду, которой они любовались на экране.

Стены увешаны фотографиями ее сына Давида. Вот он в пять, в десять, в четырнадцать лет. Обаятельная улыбка. Светящееся радостью и добротой лицо подростка, чья жизнь оборвалась так нелепо и трагически. Он был ее сыном от немецкого драматурга Гарри Майена, человека, которого она пыталась, но так и не смогла спасти от

прогрессирующей депрессии. В несколько месяцев она потеряла своего бывшего мужа и их единственного ребенка. Один покончил с собой, другой погиб в результате нелепого несчастного случая.

На секретере — бокал вина. И короткая записка, которую она начала писать одной журналистке: отказ от интервью, запланированного на этот вечер, несколькими часами спустя.

Кое-кто скажет, что эта записка — доказательство того, что Роми покончила с собой. А иначе зачем бы ей отменять интервью? И потом, разве в этот вечер рядом с ней не были обнаружены лекарства и бокал вина?

Значит, Роми решила поставить точку в деле продвижения своего последнего фильма и одновременно — в своей жизни?

Если так, то «Прохожая из Сан-Суси» должна была стать последним этапом творческого пути актрисы, решившей уйти из кино. Меньше чем через год после гибели сына — удара, от которого она так и не смогла оправиться.

Все это время Роми преследовали папарацци, и она больше не хотела показывать им лицо, слишком явно выдававшее ее душевную рану. Она решила скрыться от этих нескромных взглядов, для которых становилась то предметом восхищения и восхваления, то объектом зависти и травли, и, как раненый зверь забивается в свою нору, спряталась в фешенебельной квартире на уединенной улочке Барбе-де-Жуи в VII округе, принадлежавшей

ее другу, продюсеру Тараку Бен Аммару. Роми не могла больше находиться там, где все напоминало ей о сыне, и попросила Бен Аммара поменяться с ней квартирами: она приняла это решение внезапно, среди ночи, несколько месяцев назад.

А сегодня вечером, сидя перед секретером, незадолго до того, как потерять сознание, она не только возвращалась в прошлое, глядя в глаза сына на фотографии — одной из тех, что сплошь покрывали стену комнаты, словно надгробие. Нет, Роми говорила о настоящем и планировала будущее.

У нее только что состоялся телефонный разговор с Жераром Шамом, фотографом, с которым она познакомилась на съемках «Прохожей из Сан-Суси».

Он предложил ей устроить фотосессию, в которой она предстала бы раскованной и спокойной, вместе со своим спутником жизни Лораном Петеном и дочерью Сарой. Эти фото дали бы ей возможность продемонстрировать, как она счастлива в новой семье, в обстановке, которая ей по душе. По его мнению, самым подходящим местом для съемок стало бы ее собственное жилье. Роми выбрала для этой цели новый дом, недавно купленный ею в окрестностях Парижа, в Буасси-санз-Авуар, где она мечтала в будущем проводить как можно больше времени, — тихий уголок, который она до сих пор скрывала от чужих глаз.

Только что у нее был долгий разговор с фотографом. Они обсуждали детали сессии, которая должна была состояться завтра, — насколько подробно